

Библиографический список

1. Жанибеков У. Культура казахского ремесла. – Алматы, 1982. – 213 с.
2. Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алматы, 1987. – 126 с.

© К. Касимбекова

УДК 39.397.4

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ У ЭВЕНКОВ XIX В.

М. Х. Белянская

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, Россия

ETHNOCULTURAL PROCESSES OF THE EVENKS IN XIX CENTURY

M. H. Belyanskaya

The Russian ethnographic museum, St.-Petersburg, Russia

Summary. In the article the ethno-cultural processes of the Evenks of Siberia in the XIX century article are showed. Being a nomadic reindeer herders, the Evenks conducted the traditional way of life, based on the traditions and customs of their people. In XIX century there was a change in the culture of the ethnic group, which was reflected in the materials of the census of the population of Russia 1897.

Key words: the Evenks (Tungus), reindeer breeding, a nomadic way of life, yasak, Siberia, the population census

В данном материале рассматриваются этнокультурные процессы, проходившие в тунгусской среде в XIX столетии. Изучение этих явлений основано на сведениях первой переписи населения России 1897 г. с привлечением работ различных авторов на данную тематику. Например, аналитические комментарии С. К. Патканова – разработчика Переписи населения страны для народов Сибири Центрального Статистического Комитета.

Тунгусы (совр. эвенки), ведя кочевой образ жизни, занимались оленеводством, охотой и рыболовством. Самоназвание данного этноса – *эвэнки, эвэн, илэ* и др., хотя отдельные группы были известны как *орочоны, бирары, манегры* и др. [1, с. 9–12], для обозначения других использовали родовые названия – *буягиры, киндигиры* и др. Этноним «эвенки» стал официальным для всех групп данного народа с 1931 г. [2, с. 398]. В антропологическом отношении этнос разнообразен, существуют следующие типы: байкальский, катангский и варианты центрально-азиатского [3, с. 4–5]. Также у тунгусов сложились три варианта культуры хозяйствования, представляющие оленеводов, скотоводов и рыболовов.

Одной из особенностей эвенков является до сих пор широкий ареал расселения при небольшой численности этноса [4, с. 4]. Главной целью активных передвижений был поиск новых богатых дичью и пушниной мест. «В своих передвижениях тунгусы не обращали внимания на границы округов... не стесняются они даже границами государств», – писал С. Патканов [5, с. 33–34].

Первое знакомство русских землепроходцев с эвенками произошло в начале XVII в., когда в Сибирь пришли первые казачьи отряды, и с этого времени они стали их проводниками, помогавшими осваивать новые территории [6, с. 118].

Официальное приобщение тунгусов к российскому государству началось через оплату ясака [2, с. 69], которым обложили аборигенов Сибири фактически сразу после прихода казачьих отрядов и появления административного аппарата в местах проживания или кочевания этого народа [7, с. 11]. В конце XVII в. тунгусы приняли христианство, которое в их культуре того времени особой роли не играло, но позволило установить более прочные связи с государством. Правда, благодаря крещению представители народа приобрели фамилии, которые, чаще всего, происходили от родовых названий.

Вышеуказанные события XVII в. позволили государственной системе проводить учёт населения, нацеленный на сбор ясака и других налогов в государственную казну. Знакомство с аборигенной культурой и общение с представителями народа положило начало собиранию этнографического материала. К XIX в. научных сведений по культуре и географии тунгусов было уже достаточное количество, благодаря И. Идесу, А. Бранду, Георги, Д. Г. Мессершмидту, Ф. Страленбергу и другим исследователям [1, с. 22–29].

Реформа М. М. Сперанского по управлению восточными землями 1822 г. поделила коренное население Сибири на три группы, тунгусы вошли в категорию «бродячее население» [8, с. 45]. Они имели родовое управление [9, с. 416]. Основная цель этих преобразований – упорядочение сбора налогов с жителей азиатской части России [10, с. 176–177].

В 1897 г. в России проходит первая перепись населения страны. Её основной задачей было уточнение численного состава этнических групп и их местожительства. В то время население Сибири делилось на две группы: коренные и пришлые. Первых насчитывалось 870536 чел., что составляло 15,1 % от всех жителей [11, с. 3].

С. К. Патканов, будучи одним из разработчиков переписных материалов, особо интересовался статистическими сведениями по коренным жителям Сибири, в том числе и тунгусам. Он один из первых исследователей, кто указал на необходимость проведения анализа полученных результатов, т. к. многие этнографические, географические, экономические и другие изыскания того времени, а также официальные издания, в вопросах, касающихся инородцев Сибири, в том или ином отношении не соответствовали действительности. Или же выводы некоторых авторов были неточными [12, с.1]. Причиной подобных явлений, по мнению С. К. Патканова, являются «недостатки в этнографической литературе, из-за которых смешивали одни инородческие племена с другими. Например, сгруппированные под собирательными именами: гилияки, орочны и др.; неправильное определение границ расселения народов и отсутствие достоверных статистических данных» [12, с. 1]. Помимо этого, учёный планировал составить карту расселения народов России, указывая, что, например, в Сибири «денационализация приняла широкие масштабы» и подобный материал будет необходим для научных, педагогических целей [13, с. 24, 28].

Основываясь на материалы переписи 1897 г., вышеуказанный исследователь в течение многих лет кропотливо обрабатывал сведения по племенному составу народов азиатской части страны, описывал картину их расселения, численный состав и др. [14, с. 315]. В целом, статистические данные по коренным народам Сибири были подвергнуты грамотному анализу и прокомментированы.

В табл. 1 представлены территории, где были отмечены представители этого народа в 1897 г. с указанием их численности.

Таблица 1

Расселение тунгусов (в том числе орочных и ламутов) по территории Сибири (по данным переписи населения 1897 г.)

№	Название территории	Кол-во (чел.)
1	Енисейская губерния	3169
2	Иркутская область	2191
3	Забайкальская область	34379
4	Якутская область	12231
5	Амурская область	1104
6	Приморская область	8848
7	Остров Сахалин	143
8	Другие области Сибири	3
Всего		62068

По данным табл. 1 видно, что в конце XIX в. тунгусы проживали в семи административно-территориальных единицах Сибири с неравномерной численностью. Например, в Забайкальской области они кочевали в бассейнах рек Куенги, Талачи, Крушинной, Читы и Нерчи в количестве 34379 чел. [12, с. 92], что составило 55 % от

всего этноса. Самая малочисленная группа находилась на острове Сахалин, их было 143 чел. (3,7 %). Тунгусы были расселены и в других частях Сибири. Например, на юго-востоке Иркутской губернии их встречали редко, и поэтому в переписи 1897 г. приняло участие только 45 чел., всего же в этой губернии насчитали 2191 чел. [12, с. 89]. В целом, ареал проживания тунгусов широкий, и они кочевали по всей территории Восточной Сибири, имевшей площадь свыше 3 1/2 млн кв. верст [12, с. 97]; только три представителя тунгусского народа находились вне этой части Сибири. Всего было зафиксировано 62068 чел [15, с.11], из которых 136 представителей этноса жили в городах. Также в число тунгусов вошли 3131 ламут из Якутской и Приморской областей и 1629 орохонов Забайкальской и Амурской областей.

По материалам различных источников, с XII–XVI вв. у этого народа активно шёл процесс расселения по всей Сибири. Довольно рано они попали в тундру северо-восточной Якутии, другая часть – на Охотское побережье и др. В XVIII–XIX вв. большинство тунгусов находилось в труднодоступных местах Сибири [1, с. 17]. В процессе миграций они постоянно сталкивались с другими народами и, в конечном счёте, ассимилировали их. В их этнических процессах сыграли роль постоянные перекочёвки с одной территории на другую. Такой образ жизни и многочисленные соседи, которые присутствовали почти постоянно, привели к межкультурным контактам, что стало основой для формирования локальных особенностей у тунгусов, что выражено в языке и культуре.

Тунгусы, проживающие в разных частях сибирского региона, являются представителями одного антропологического типа с наличием конкретного хозяйственно-культурного уклада, и, как следствие этого, обладают местными особенностями культуры. Эти межкультурные контакты были зафиксированы в Переписи населения 1897 г. Например, в Хабаровском округе из 255 чел. 93 тунгуса проживали на территории нижнего Амура среди гольдов (совр. негидальцы) [12, с. 88]. В Туруханском крае Енисейской губернии около 800 чел. кочевали среди долган, якутов и самоедов (совр. ненцы). Также они были обнаружены по Енисею в количестве не более 100 чел., живших разбросанно, среди других народов [12, с. 97]. Таким образом, дисперсность расселения и иноязычное окружение стали основными факторами появления локальных особенностей культуры у тунгусов, которые вбирали в себя чуждые элементы культуры и языка и постепенно адаптировали их.

Ещё один этнокультурный аспект, зафиксированный в Переписи населения 1897 г., – отход части тунгусов от традиционного образа жизни. Из-за этого формировалась основа для постепенного перехода на другую культуру. Например, из 627 тунгусов Приморской области 44 жили оседло среди обрусевшего населения р. Анадырь [12, с. 86]. В Верхоленской округе Иркутской губернии бывшие оленеводы проживали среди русского и бурятского населения, а в Киренском округе 148 тунгусов жили стационарно в трёх селениях, некоторые из них – в русских деревнях. 212 чел. находились в русских волостях и среди якутов Сунтарско-Олекминской инородческой управы Якутии [12, с. 89]. В Охотской округе зафиксировано 3749 чел., из которых 193 постоянно находились в двух селениях – Ольское и Арманское [12, с. 87]. Данные примеры указывают на стационарность проживания части тунгусов, уже отошедших частично или полностью от собственной культуры.

В переписи населения также было зафиксировано, что в XIX столетии тунгусы осваивали новые территории. Так, в 1830-х гг. оленные кочевники появились в Петропавловской округе, а основная масса перебралась туда из Гижигинской округи. В те же годы этот народ начал осваивать остров Сахалин, перекочевав сюда из Удской округи Приморской области из-за эпидемии оспы [12, с. 88].

В Якутской области тогда проживало 12231 тунгусов, обитавших вне территории якутов, которая охватывала Ленско-Алданскую котловину и полосы земли по берегам крупных рек – Лены, Индигирки, Яны и левого берега Колымы. Часть же тунгусов обитала вне территории чукчей на побережье Ледовитого океана – от Чаунской губы на востоке до низовьев Индигирки на западе [12, с. 89–90]. В Колымском округе тунгусы жили среди других народов, а в нижнем течении Колымы, Алазеи и по притокам Колымы Конкодону и Ясачной находились ламуто-юкагиры [12, с. 92]. Данные сведения указывают на активные этнические процессы, связанные с завершением форми-

рования новой этнической общности – ламутов (совр. эвены) [16, с. 13–15], которых в конце XIX в. считали частью тунгусского этноса.

Даже хорошо организованная перепись 1897 г. имела просчёты. Например, в перепись не вошли тунгусы с притоков Учюра: Гонамы, Алгоме, Сутаму. Не была переписана группа, кочевавшая по верховьям Илима, Подкаменной Тунгуски, Непы-Токмы и Нижней Тунгуски [5, с. 157–158]. То же относится и к группе кочевников Амурской области, живших между Буреей, Амуром и верховьями Амгуни [12, с. 88–89] и др. Вполне возможно, что подобная ситуация была и в других местах.

В переписи населения 1897 г. солонов, самагиров, манегров, бираров и кили выделяли в самостоятельные этнические группы тунгусского происхождения. Были указаны следующие сведения про солонов, которых в конце XIX в. насчитывалось 15 чел., проживавших в Уссурийском крае в двух населённых пунктах по р. Им. С. К. Патканов считал, что их особенность заключалась в активной ассимиляции с китайцами, гольдами и ороचनाми [12, с. 84]. Численность самагиров составляла 425 чел., расселённых по Амуру среди гольдов (совр. негидальцы) [12, с. 86]. Другие материалы по самагирам отсутствовали. Манегров зафиксировали в количестве 160 чел., кочевавших в Амурской области между средним течением Зеи и Амуром. Их обычный путь проходил от устья реки Селемджи до устья Ура, заходили они и на левый берег Зеи. «В более раннее время, – писал С. К. Патканов, – манегры были многочисленными, и ареал их перекочёвок – значительно большим. Но тунгусы из Якутии потеснили их, в результате чего произошло сокращение территорий кочевания» [12, с. 83]. При анализе сведений о бирарах Патканов, опираясь на мнение Л. Шренка и других учёных, которые исследовали Сибирь в 1850–60 гг., отмечал, что этот народ нигде обнаружены не был. Возможно, с нижнего и среднего течения Буреи и смежной гористой местности, расположенной к востоку от этой реки, как и кили бассейна Куры и левого притока Тунгуски, они переселились на правый берег Амура, где они проживали ранее, став населением Китая. Также к комментариям С. К. Патканова относятся сведения о том, что кили являются тунгусами, которые известны у китайцев и гольдов как *килэ*, и их можно отождествлять с представителями гольдского рода *Килэ*, проживавших в конце XIX в. дальше к востоку [12, с. 83]. Говоря о вышеуказанных народах, отметим, что исследования XX столетия показали, что все они являлись подразделениями тунгусского этноса.

С. Паткановым впервые было проведено исследование, позволившее ликвидировать «белые» пятна этнической истории части тунгусов. Так, в Читинском округе находилось 25461 тунгусов, которые вместе с бурятской Улдургинской инородческой управой образовывали Урульгинскую степную думу, возглавляемую князем Гантимуром. Глава думы имел тунгусские корни происхождения, а его должность была наследственной для представителей данной фамилии. Почти все тунгусы этой местности жили оседло или полuosедло, занимаясь земледелием и скотоводством, из-за чего их относили к бурятам. Приведём ещё один пример: акшинские тунгусы состояли в казачьем сословии, перейдя на скотоводческую культуру, а незначительная их часть «влилась» в русский этнос. Из-за этих особенностей 3045 тунгусов данного округа относили к бурятам. То же самое произошло и во время сбора материалов переписи 1897 г. Хотя известно, что в начале XVIII в. их предков переселили в эту местность из северных частей области для охраны вместе с казаками южной границы Сибири от китайцев [17, с. 94]. Вышеуказанные сведения были впервые введены в научный оборот С. К. Паткановым. Благодаря этому можно говорить о процессах ассимиляции в тунгусской среде в раннее время.

Как уже отмечалось выше, при проведении переписи населения 1897 г. происходило выяснение знания родного языка. В табл. 2 показаны языки, ставшими родными для представителей данного этноса.

**Языки, считающиеся родными для представителей тунгусского этноса
(в т. ч. для ламутов и орочонов)**

№	Язык	Количество (чел.)
1	Тунгусский (родной)	27597
2	Русский	19742
3	Бурятский	4911
4	Монгольский	4803
5	Якутский	4760
6	Юкагирский	216
7	Гольдский	18
8	Корякский	20
9	Чукотский	1
Всего:		62068

При анализе табл. 2 видно, что 27597 чел. (44,4 %) из 62068 общаются на родном языке. Также они знают ещё и другой язык, как правило, того этноса, который является доминирующим в их местности. Для 55,6 % тунгусов родным стал другой язык: 19742 чел. перешли на русский. Это жители Забайкалья [12, с. 154]. 9714 тунгусов Забайкалья говорят на бурятском и монгольском языках. 4760 чел. знают якутский, а 216 чел. – наречие юкагирского. Также были зафиксированы носители корякского и чукотского языков. Такая языковая ситуация ведёт к утрате этнических черт и к переходу на другую культуру. По мнению С. К. Патканова, такие процессы стали результатом принятия христианства и стационарности проживания [12, с. 154].

Обобщая вышесказанное, отметим, что при изучении этнокультурных процессов у тунгусов XIX в., мы использовали статистические сведения Переписи населения России 1897 г. и комментарии С. К. Патканова к ним. Следует подчеркнуть, что работы вышеуказанного исследователя стали одними из первых, создавших общую картину по численности, местожительству и другим характеристикам народов Сибири, в т. ч. тунгусов [18, с. 24].

Исходя из этого, были зафиксированы следующие этнокультурные процессы у кочевников-оленеводов того времени. Так, межкультурные связи и иноязычное окружение тунгусов на протяжении длительного времени явились основой для появления локальных особенностей в их среде, что нашло выражение в культуре и языке. Также активные контакты с другими народами позволили им «прижиться» в различных природно-климатических зонах Сибири за счёт, в числе прочего, и заимствования чуждых элементов культуры, которые адаптировались к тунгусской культуре. По сведениям Переписи 1897 г., в это время тунгусы активно осваивали новые территории, например, остров Сахалин, что расширило ареал расселения этноса. Также благодаря этнокультурным процессам в их среде, на основе ассимиляции произошло завершение формирования нового этноса – ламутов (совр. эвены), живших на окраинах Якутской и Приморской областей.

Говоря о доминирующем иноязычном окружении тунгусов и их переходе на оседлый образ жизни, следует отметить, что именно эти два обстоятельства влияют на постепенный отход этноса от собственной культуры. Выявление у тунгусов родного языка показало, что в конце XIX в. таковым считали 44,4 % всех опрошенных. Большинство представителей этого народа (55,6 %) владело другим языком (русским, бурятским, монгольским, якутским, наречием юкагирского (совр. эвенский), негидальским, корякским или чукотским). Это указывает на смену языковой среды и даже культуры. Подобное произошло несколько ранее с урульгинскими и акшинскими тунгусами, ставшими через какое-то время уже представителями другого народа. Сведения об этих локальных группах в этнографической литературе были «белыми» пятнами этнической истории тунгусов. Их ликвидировал С. К. Патканов в конце XIX в. Также он, как и всё научное сообщество страны того времени, отнёс солонов, самагиров, манегров, бираров к самостоятельным этническим группам тунгусского происхождения. Но дан-

ное утверждение не получило дальнейшего развития, в последующих исследованиях учёных эти группы обоснованно стали считать составной частью самих тунгусов.

Перепись населения 1897 г. показала, что этот этнос широко расселён по всей Сибири и, по мнению С. К. Патканова, не все его представители были учтены. Причиной подобного могли стать их активный кочевой образ жизни и труднодоступность мест проживания. По его убеждению, их в 1897 г. примерно можно было насчитать до 64500 чел., вместо 62068 зафиксированных [12, с. 83].

В целом, этнокультурные процессы в среде тунгусов XIX в. демонстрируют развитие народа, а активные ассимиляционные процессы, связанные с отходом от собственной культуры и языка, в последующее время стали основой для дальнейших явлений в их среде.

Библиографический список

1. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографический очерк (XVIII–начало XX в.). – Л. : Наука, 1969. – 304 с.
2. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М. : Россия, 2005. – 464 с.
3. Левин М. Г. К проблеме этногенеза тунгусов // Доклады делегации СССР. XXV международный конгресс востоковедов. – М., 1960. – 10 с.
4. Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М. : Наука, 1985. – 284 с. С табл.
5. Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ЗРГО (по отд. этногр.). – Т. XXXI. – Ч.1. – Вып. 1–2. – 1906. – 283 с.
6. Полевой Б. П. Эвенки и эвены – «вожи» русских первопроходцев Тихого океана // Полярная звезда. – 1980. – № 1. – С. 118–119.
7. Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. – М. : Наука, 1966. – 269, с. с карт.
8. Коч А. А. Административная политика М. М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. – 1990. – № 5. – С. 40–48.
9. Народы России. Энциклопедия. – М. : БРЭ, 1994. – 479 с.
10. Энциклопедия Якутии. – Т.1. – М., 2000. – 540 с.
11. Патканов С. К. Список народностей Сибири. – Петроград, 1923. – 15 с.
12. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – Т. I. – СПб, 1912. – 174 с.
13. Патканов С. К. Проект составления племенной карты России. – Петроград, 1916. – 28 с.
14. Патканов С. К. О приросте инородцев Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племён. – СПб., 1911. – С. 312–317.
15. Патканов С. К. Племенной состав и численность населения Сибири (по специальной разработке данных переписи населения 1897 г.). – Петроград, б/г. – 13 с.
16. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. – СПб. : Наука, 1997. – 180 с., с ил.
17. Патканов С. К. Расселение тунгусских племён по территории Сибири и их численность (на основании данных специальной разработки переписи населения 1897 г.). – Петроград, б/г. – 14 с.
18. Решетов А. М. С. К. Патканов как статистик и этнограф-сибиревед / Культурное наследие народов Сибири и Севера : материалы четвёртых Сибирских чтений, 12–14 октября 1998 г. Санкт-Петербург. – СПб., 2000. – С. 22–26.

© М. Х. Белянская